

В скандинавских мифах много богов и богинь. Некоторых из них вам предстоит встретить на этих страницах. Большинство сюжетов, однако, связаны с двумя богами — Одином и его сыном Тором, а еще с побратимом Одина, великаньим сыном по имени Локи, что живет вместе с асами в Асгарде.

ОДИН

Величайший и самый древний из богов — Один.

Ему ведомо много тайн. Он отдал глаз в уплату за мудрость. Не говоря уже о том, что ради познания рун и ради власти он принес себя в жертву — самому себе.

Он повесился на мировом древе по имени Иггдрасиль и провисел там девять дней и девять ночей. Бок ему пронзило острие копья, нанеся глубокую рану. Ветры терзали его своими когтями. Так, день за днем и ночь за ночью, он ви-

сел без пищи и питья, в полном одиночестве, изнемогая от боли, и свет его жизни медленно гас.

Он уже холодел, но вот, в последних муках на пороге смерти, жертва его принесла темный плод: в экстазе агонии бог устремил взор на землю, и ему открылись руны. Он познал их и понял их силу. И тогда веревка лопнула, и Один с воплем пал наземь, к подножию древа.

Так он постиг магию. Теперь весь мир был в его власти.

Много имен у него. Он — Всеотец, повелитель павших и бог виселиц. Он властвует над бременами и над узниками. Гримнир зовут его и Третий. В каждой стране у него свое имя, ибо его почитают в разных обличьях и на разных наречьях, но он всегда остается собой.

Он странствует по свету, скрывая свой истинный облик, — чтобы видеть мир таким, каким видят его люди. Он ходит меж нас под видом высокого мужа в плаще и шляпе.

И есть у него два ворона, которых он зовет Хугин и Мунир, что значит «мысль» и «память». Птицы эти летают по миру, разузнавая новости, и приносят их Одину. Они садятся своему хозяину на плечи и шепчут ему в уши все, о чем узнали.

Восседая на своем высоком престоле, который носит имя Хлидскьяльв, Один видит все, что происходит на свете. Ничто не может укрыться от него.

Он принес в мир войну: всякая битва начинается с копья, брошенного в сторону вражеского войска. Этим броском Одину посвящают и само сражение, и жизни, которое оно унесет. Если тебе суждено выжить на поле боя, так это лишь милостью Одина, если же нет — значит, он тебя предал.

Если ты храбро пал на войне, валькирии — прекрасные девы битв, собирающие души благородных воинов, — заберут тебя в чертог по имени Вальгалла. Там тебя встретит Один, и там, под его водительством, ты будешь проводить дни и ночи в сраженьях и пирах.

Тор

Тор, сын Одина, — повелитель громов. Он столь же прямодушен, сколь отец его хитер, и столь же добросердечен, сколь тот лукав и вероломен.

Тор огромен, рыжебород и могуч — он самый сильный среди богов. А когда он надевает свой пояс силы, Мегингьёрд, мощь его возрастает вдвое.

Оружие Тора зовется Мьёлльнир — это великий молот, выкованный для него карликами. Его историю вы еще узнаете. Тролли и великаны, инеистые и горные, — все трепещут при виде Мьёлльнира, ибо он положил многих их

братьев и друзей. Тор носит железные рукавицы, чтобы крепче держать молот за рукоять.

Матерью Тора была Йорд, богиня земли. Сыновья Тора — Модри, «смелый», и Магни, «сильный». Дочь его зовется Труд, «могучая».

Жена его — златовласая Сив. Еще до брака с Тором Сив родила сына Улля, и Тор ему теперь отчим. Бог Улль охотится с луком и стрелами, а еще он ездит на лыжах.

Тор — защитник Асгарда и Мидгарда. О Торе и его приключениях известно много историй, и некоторые из них вы найдете здесь.

ЛОКИ

Локи очень красив. Он внушает доверие. Он убедителен и приятен, никто из обитателей Асгарда не сравнится с ним в изворотливости, ловкости и хитроумии. Какая жалость, что в нем так много тьмы — гнева, зависти и похоти!

Локи — сын Лаувейи, которую называли также Наль, то есть «игла», ибо была она стройна, прекрасна и остра умом. Отцом его, говорят, был Фарбаути, из великанов. Имя его означает «осыпающий опасными ударами» и говорит само за себя.

Локи разгуливает по небу в летучих башмаках и умеет менять свой облик и даже превращаться в животных. Но истинное его оружие — ум. Он коварней, хитрей и находчивей любого

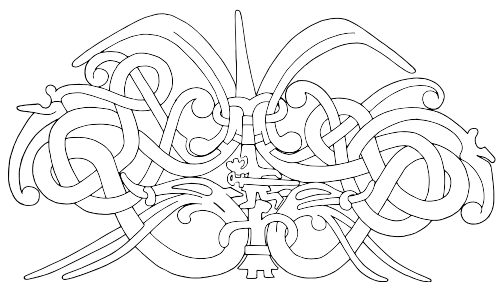
бога и великана. В этом с ним не сравнится даже Один.

Локи — побратим Одина. Остальные боги не знают, когда и как он появился в Асгарде. Еще он — друг Тора и его же предатель. Боги терпят его — возможно потому, что его уловки и хитрости часто их выручают. Примерно так же часто, как и доводят до беды.

Локи делает мир интереснее, но опаснее. Он отец чудовищ и творец бед, лукавый и вероломный.

Локи слишком много пьет, а когда пьет, не держит в узде ни слова, ни мысли, ни поступки. В день Рагнарёка, когда миру настанет конец, Локи и его дети непременно выйдут на битву — и не на стороне Асгарда они будут сражаться.

ДО НАЧАЛА...
И ПОСЛЕ

I

До начала не было ничего — ни земли, ни верхнего мира, ни звезд, ни свода небес. Был только туманный мир, бесформенный и темный, да еще мир огня, вечно пылающий.

Нифльхейм, темный мир, простирался на севере. Одиннадцать ядовитых рек текли во мраке из единого источника, бурлящего в самом центре, — из ревущего водоворота по имени Хвергельмир. Холоднее самого холода был Нифльхейм, и все там окутывал тяжкий, угрюмый туман. Дымка скрывала небо, а на земле одеялом лежала зябкая мгла.

На юге раскинулся Муспелльхейм, и Муспелльхейм был — огонь. Все в нем сияло и пылало. Где в Нифльхейме царил серый сумрак, там в Муспелльхейме мерцал багровый свет; где был стылый лед — там плескалась лава. Сама земля полыхала ревучим жаром кузнечного гор-

на, и не было там ни твердой почвы, ни даже неба — одни только искры и струи зноя, расплавленный камень и раскаленные уголья.

А на самом краю пожарищ Муспелля, где туман растекался светом, стоял Сурт, что был прежде богов. Стоит он там и сейчас. Он держит в руке пламенеющий меч, и что кипучая лава, что ледящийся туман — ему все едино.

Говорят, что только в день Рагнарёка, когда всему настанет конец, Сурт покинет свой пост. Он выступит из Муспелльхейма со своим пылающим мечом и сожжет весь мир, и один за другим падут перед ним боги.

II

Между Муспеллем и Нифльхеймом была бездна — пустое ничто без вида и облика. Реки туманного мира текли в эту бездну, звавшуюся Гиннунгагап — «зияющая пропасть». Тянулись бессчетные века, и там, в этом месте меж огнем и туманом, ядовитые реки Нифльхейма медленно застывали в огромный ледник. На севере бездны лед был укрыт замерзшим туманом и усыпан градинами, но на юге, у пределов огненной страны, искры и угли из Муспелля согревали его, и под горячим ветром воздух над льдами становился нежным и теплым, будто в весенний день.

И вот, наконец, лед встретился с огнем и начал таять. И в талых водах родилась жизнь — подобие человека, но больше, чем целый мир, громадней любого великана. Не мужчина, не женщина, но то и другое сразу.

Это создание было прародителем всех великанов и звалось оно Имир.

Но не только Имир вышел на свет из тающих льдов: вместе с ним появилась безрогая корова, невообразимо огромная. Она лизала соленые глыбы льда, и те были ей и питьем, и пищей, а из четырех ее сосцов бежали молочные реки. Этим молоком и питался Имир.

Он пил молоко и рос.

И назвал корову Аудумлой.

Розовым своим языком корова вылизала из льда еще одно существо: в первый день показались только волосы, на второй день — голова, а на третий — все тело. И был это Бури, предок богов.

Имир спал и во сне рождал новую жизнь: двое великанов, мужчина и женщина, появились на свет из его левой подмышки, а из ног — шестиглавый гигант. И вот от них, Имировых детей, произошли все великаны на свете.

Бури взял себе жену из них, и вместе они породили сына, которого назвали Бор. Бор женился на Бестле, дочери великана, и та родила ему троих сыновей: Одина, Вили и Ве.

Выросли Один, Вили и Ве, сыновья Бора, и возмужали. Подрастая, видели они вдале-

ке огни Муспелльхейма и тьму Нифльхейма, и знали, что там и там их ждет неминуемая смерть. Братья очутились в вечной ловушке в бездне Гиннунгагап, между пламенем и туманом. Посреди великой пустоты — то есть, все равно что нигде.

Потому что тогда еще не было ни моря, ни песка, ни травы, ни камней, ни плодородной земли, ни деревьев, ни неба, ни звезд. Не было еще самого мира с его землею и небом. И бездна нигде не была, вернее, была нигде: просто пустое место, жаждущее наполниться жизнью и бытием.

Самое время для творения.

Вили, Ве и Один поглядели друг на друга и заговорили о том, что нужно сделать — там, в бездне Гиннунгагап. И сказали они о вселенной, о жизни и о будущем.

А потом пошли и сделали то, без чего было не обойтись. Да, Один, Вили и Ве убили великана Имира. Но никак иначе нельзя было сотворить миры. С этого все и началось: одна смерть положила начало всей жизни.

Итак, они закололи великого великана. Кровь хлынула из тела могучим потоком — и кто бы мог подумать, что ее окажется так много! Реки крови, соленой, как море, и серой, как океан, затопили все вокруг так внезапно, разлились так мощно и так глубоко, что всех остальных великанов смыло, и они утонули. (Только двое из них спаслись: Бергельмир, внук Имира,

с женой: они забрались в деревянный ящик, который носил их по волнам, будто лодка. Все великаны, которых мы встречаем и которых боимся ныне, произошли от них.)

Один и его братья сделали почву из плоти Имира. Из костей они нагромодили утесы и горы. Камни, булыжники, галька, песок и гравий — все это зубы Имира и осколки его костей, что Один, Вили и Ве сломали и размозжили в битве с первым великаном.

Моря, что опоясывают все миры, — это все кровь Имира и пот.

Поглядите на небо — вы увидите свод его черепа. Ночные звезды, планеты, кометы и метеоры — все это искры от огней Муспелльхейма. А что же облака, видимые дневною порой? Когда-то они были мозгом Имира, и кто знает, что за мысли в них бродят... даже сейчас.

III

Мир — это плоский диск, и море окружает его со всех сторон. Великаны обитают на окраинах, по берегам самых глубоких морей.

Чтобы не подпускать их близко, Один, Вили и Ве выстроили стену из ресниц Имира и оградили ею середину мира. И той земле, что внутри стены, они дали имя: Мидгард.

Мидгард стоял пустой. Прекрасна была земля, но никто не гулял среди лугов, не ловил

рыбу в прозрачных реках. Никто не покорял скалистые горы и не вперял взор в облака.

Один, Вили и Ве понимали, что мир никуда не годится, пока в нем никто не живет. Везде и всюду искали они людей, но так никого и не нашли.

Но вот однажды на каменистом морском берегу им попались два бревна — плавник, качавшийся на волнах. Приливы прибили его к земле и выбросили на галечный пляж.

Первое бревно было из ясеня. Ясень живуч и хорош собой; корни его уходят глубоко в землю. Древесину его удобно резать — она не трескается и не щепится. Рукоятки орудий выходят отличные, а еще — древки копий.

Второе бревно, лежавшее рядом с первым, совсем близко, было из вяза. Вяз — дерево изящное, но древесина его прочна: из нее выйдут самые крепкие доски и балки. Прекрасный дом можно выстроить из вяза — дом или чертог для пиров.

Взяли боги оба бревна и поставили их торчком на песок, так что стали они в человеческий рост. И обнял их Один, и вдохнул в них жизнь — в одно за другим. Теперь это были уже не просто мертвые бревна на берегу: нет, теперь они стали живые.

Вили дал им волю, разум и стремление. Теперь они могли двигаться, теперь могли желать.

Ве придал им облик людей: вырезал им уши, чтобы они слышали, глаза — чтобы видели, уста — чтобы те отверзлись и говорили.

И вот уже не два бревна стояли на морском берегу, а двое нагих людей. Одному из них Ве вырезал мужское естество, а другому — женское.

И сделали три брата одежды для людей, чтоб те могли покрыть себя и согреться — там, на краю мира, где в воздухе висела взвесь из ледяных морских брызг.

И, наконец, дали они сотворенным людям имена: мужчину назвали Аск, или Ясень, а женщину — Эмбла, Вяз.

Аск и Эмбла стали отцом и матерью нам всем: всякий человек обязан жизнью своим родителям, и их родителям, и родителям тех, кто породил их родителей, и так далее. Но если углубиться в прошлое достаточно далеко, любой род на свете придет к Аску и Эмбле.

Эмбла и Аск остались в Мидгарде, надежно укрытые за стенами, которые боги сделали из Имировых ресниц. В Мидгарде первые люди выстроили себе жилище, защищенное от великанов, чудовищ и всех опасностей, таящихся в диких землях. В Мидгарде растили они своих детей в покое и мире.

Вот потому-то Одина и зовут Всеотцом — он не только стал родителем богов, но и вдохнул жизнь в прадедов прадедов наших дедов. И будь мы хоть боги, хоть люди, Один все равно нам отец.